

— Хочешь прогуляться до обѣда?

— Да, мамаша.

И онѣ пошли гулять вдоль рѣки, разговаривая только о пустякахъ.

IV.

На другой день, съ утра, Иветта пошла совсѣмъ одна, на то мѣсто, гдѣ Сервиньи читалъ ей исторію про муравьевъ. Она говорила себѣ:—не уйду отсюда, пока не приму какого-нибудь рѣшенія.

Передъ ея ногами текла вода бурливая и пѣнистая, какъ будто подъ ней скрывались глубокіе омуты.

Она уже со всѣхъ сторонъ обсудила свое положеніе и средства изъ него выйти.

Какъ ей поступить, если мать не согласится на ея условія и не откажется отъ своего образа жизни, отъ своихъ знакомыхъ, отъ всего, чтобы укрыться съ нею въ какомъ-нибудь дальнемъ краѣ?

Она можетъ одна уѣхать! бѣжать! но куда? какъ? чѣмъ она будетъ жить?

Работой? но какой именно и къ кому она за ней обратится? И кромѣ того, смиренная, скучная жизнь работницъ, простолюдинокъ, представлялась ей нѣсколько постыдной, недостойной ея!

Она подумывала пойти въ гувернантки, какъ молодыя дѣвушки въ романахъ, и внушить любовь сыну той семьи, гдѣ она будетъ жить и выйти за него замужъ. Но для этого ей надо было бы быть знатнаго происхожденія, чтобы сказать разъяренному отцу, когда онъ будетъ упрекать ее за то, что она украла любовь его сына:—меня зовутъ Иветтой Обарди! Кромѣ того, это способъ банальный, избитый.

Монастырь былъ не лучше. Она не чувствовала никакого призванія къ монастырской жизни, такъ какъ припадки набожности у ней были періодическіе и мимолетные.

Никто не могъ спасти ее, женившись на ней, благодаря ея происхожденію! Никакой помощи отъ мужчины принять было нельзя, исхода, спасенія нельзя ждать ни откуда.

Притомъ же она хотѣла чего-нибудь энергическаго, грандіознаго, истинно великаго, что могло бы служить примѣромъ, и рѣшилась умереть.

Она рѣшилась на это сразу, спокойно, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь поѣздкѣ, не размышляя, не представляя себѣ,